

3. Год 1935-й, решающий

В 1935 г. наблюдалось укрепление позиций Сталина и его сторонников. Одновременно была развернута широкая кампания антибюрократического и популистского характера против тех деятелей, на которых возлагалась ответственность за искажение партийной линии при ее претворении в жизнь. После февральского пленума 1935 г. на многие ключевые посты были назначены сторонники Сталина — Микоян введен в состав Политбюро, Жданов и Хрушев назначены соответственно первыми секретарями Ленинградской и Московской парторганизаций. Начальник управления кадров Секретариата ЦК Ежов был переведен на пост председателя Центральной контрольной комиссии и избран секретарем ЦК, За несколько месяцев он провел решительную чистку комиссии. Еще в свою бытность начальником управления кадров он отличался «антибюрократической бдительностью», жертвами которой стали прежде всего представители низового партийного аппарата, руководители предприятий и специалисты, подозреваемые им в различных уклонах, коррупции и даже в саботаже. Назначение Маленкова заместителем Ежова, а Вышинского — генеральным прокурором поставило точку в процессе занятия наиболее важных постов в партийном и государственном руководстве верными сторонниками Сталина, Логическим завершением этих преобразований явилось принятие нескольких новых законодательных актов, усиливших тоталитарный характер системы.

Наиболее ярким примером новых веяний был принятый 9 июня 1935 г. закон, в соответствии с которым любой советский гражданин за побег за границу приговаривался к смертной казни. Тюремное заключение грозило также всякому лицу, не донесшему об этом «акте предательства».

В 1935 г. началось решительное наступление сталинистов на историческую науку, ставившее своей целью «огосударствливание» памяти о прошлом. История, определяющая законность любой власти, была полностью пересмотрена, переработана и превращена в «конкретную науку», «объективную истину», в «грозное оружие в борьбе за социализм», по определению Сталина. В марте 1935 г. произведения Троцкого, Зиновьева и Каменева, как и большое количество других «устаревших» и неудобных книг политического или исторического содержания, были изъяты из библиотек. 25 мая постановлением ЦК было упразднено Общество старых большевиков. Месяцем позже было ликвидировано Общество бывших политкаторжан. Этим двум организациям вменялось в вину, что они ходатайствовали об отмене смертной казни для членов оппозиции и слишком усердствовали в культивировании революционного духа прежних лет — иными словами, хранили память о прошлом партии. В конце июля в «Правде» за подписью первого секретаря Закавказской партийной организации Л.Берии был опубликован первый фрагмент из единственной разрешенной работы по истории большевизма на Кавказе. Это новое историческое «произведение» представляло собой самый настоящий панегирик Сталину, ставшему основателем и организатором большевистского движения на Кавказе, Несколько месяцев спустя

Сталин опубликовал свои «Заметки» об учебниках истории, присвоив себе, таким образом, роль главного историка. Эти «Заметки» положили начало фундаментальному пересмотру истории отношений России с нерусскими народами и стали основой для создания новой исторической науки. Ее главная цель состояла в обосновании законности власти Сталина. Сталин олицетворял собой партию. Партия олицетворяла пролетариат. Пролетариат в свою очередь являлся олицетворением идей прогресса. Фальсифицирование событий и подтасовка фактов позволяли выстроить логический ряд преемников: Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин. История партии превращалась в историю борьбы сторонников правильной линии во главе с Лениным, а затем Сталиным против разного рода уклонистов.

XVII съезд партии объявил, что главная цель новой власти — построение социализма — достигнута, а следовательно, существующие трудности — лишь результат некомпетентности или сознательного вредительства тех, кто должен был проводить в жизнь партийную линию. Такая постановка вопроса позволила высшему партийному руководству развернуть начиная с лета 1934 г. широкую кампанию по усилению контроля за деятельностью партийного аппарата с целью поднять организационную работу на уровень правильной политической линии.

20 августа был объявлен обмен партийных билетов. Согласно официальной точке зрения, это мероприятие проводилось с целью урегулирования проблем административного и технического порядка. Массовый приток новых членов привел к неопишуемому беспорядку в партийных картотеках. По мнению центрального руководства, предстояло уточнить членство свыше 200 тыс. коммунистов. Только в течение двух предыдущих лет было выдано более 220 тыс. дубликатов партбилетов. 47 тыс. партбилетов исчезли бесследно.

Вскоре после убийства Кирова ЦК разослал всем партийным организациям закрытое письмо «О последствиях событий, связанных со злодейским убийством товарища Кирова». В письме констатировалось существование заговора, в который якобы были вовлечены троцкисты и зиновьевцы. В нем содержался призыв к верным членам партии выискивать и изгонять из ее рядов всех, проявляющих сочувствие Троцкому, Зиновьеву и Каменеву. В излагаемой официальной версии убийства Кирова сообщалось, что оно совершено человеком, проникшим в Смольный по фальшивому партбилету. Поэтому не приходилось сомневаться в огромном политическом значении кампании по проверке партбилетов. Письмо уточняло, что искать просочившихся в ряды партии врагов следовало там, где царили бюрократическая неразбериха, преступная халатность, и особенно там, где существовали более или менее независимые центры власти.

В большинстве местные партийные руководители довольно вяло отреагировали на этот документ и ограничились лишь обычной проверкой партийных картотек. Меньше всего они были склонны давать широкий ход этому мероприятию. Строгий учет новых членов партии, централизованный контроль за их продвижением, а также необходимость неукоснительного выполнения всех приказов Москвы могли бы сильно ограничить их полномочия, а некоторым угрожали потерей власти над целой сетью «клиентов» и подчиненных. Более эффективный контроль со стороны центра многих лишал поля для маневров, благодаря которому до сих пор им удавалось соблюдать интересы «низов», представляя центральным властям оптимистические отчеты. Понадобились троекратные призывы ЦК к порядку, а также создание летом 1935 г. сети областных отделов возглавленного Ежовым Главного управления кадров, чтобы заставить секретарей 19 местных парторганизаций провести более или менее серьезную чистку среди членов партии. 25 декабря 1935 г. Ежов представил Центральному Комитету отчет о результатах проверки партбилетов, которые совершенно не удовлетворили центральное руководство. Обмен билетов начался на полгода позже запланированного срока и продлился втрое дольше, чем предполагалось. Помехи создавала значительная группа «бюрократившихся элементов», которые выполняли свои обязанности с халатностью, граничащей с саботажем. В итоге проверка охватила только 81% членов партии. Из них 9% было исключено. Установка руководства на изгнание троцкистов и зиновьевцев не была выполнена. Только 3% общего числа исключенных принадлежало к этой группе. Проверка со всей очевидностью показала, в какой мере процветала круговая порука среди сотрудников местных партийных орга-

нов. Она создавала огромное препятствие центральному руководству в установлении действенного контроля над положением в стране, а следовательно, и в любых начинаниях.

Одновременно с кампанией по обмену билетов, предпринятой для наведения порядка в структуре партийного аппарата, под лозунгом борьбы с бюрократией, анархией и искривлением партийной линии было развернуто широкое наступление на представителей народнохозяйственных и инженерно-технических кадров — директоров предприятий, инженеров, техников и других специалистов, обвиняемых в сокрытии реального производственного потенциала. Сигналом к наступлению послужила речь Сталина, произнесенная 4 мая 1935 г.; В решительно-популистских тонах он осудил «неслыханно бесчеловечное отношение обюрократившихся кадров» к простым людям, труженикам, «этому самому драгоценному капиталу». Рабкоры получили задание освещать в прессе все примеры злоупотреблений по отношению к труженикам, способствующих возбуждению недовольства рабочих и, соответственно, саботирующих творческие способности трудящихся масс.

В такой обстановке в конце лета 1935 г. возникло стахановское движение. Все началось с того, что шахтер А.Стаханов довел дневную норму выработки угля до 102 т, что в 14 раз превышало норму. 8 сентября он добился результата в 175 т. Вскоре еще один ударник, Н.Изотов, установил новый рекорд в 240 т. Эта инициатива была подхвачена и в других отраслях. Вскоре начали поступать сообщения о рекордах Н.Сметанина в обувной промышленности, А.Бусыгина в автомобилестроении, сестер Виноградовых в текстильной промышленности, В самом начале это движение, зародившееся среди небольшого числа квалифицированных рабочих, являлось выражением их трудовой инициативы, возникшей как ответ на появившуюся возможность получать вознаграждение за труд в соответствии с уровнем их способностей. К этому времени система распределения была упразднена, и высокие заработки стахановцев позволяли им приобретать необходимые товары, появившиеся в свободной продаже.

Однако очень скоро стахановское движение оказалось под контролем властей, решивших использовать его для развертывания широкой кампании по наращиванию производительности труда. В ноябре в Москве состоялась конференция рабочих — передовиков производства. В своем выступлении Сталин подчеркнул глубоко революционный характер этого движения, свободного от консерватизма инженеров, техников и руководителей предприятий. В условиях удручающего состояния советской промышленности новая кампания могла привести только к катастрофическим последствиям. Проведение дней, недель или декад стахановского труда надолго выбивало производственный процесс из нормального ритма. Израсходованные запасы сырья не восполнялись, оборудование ветшало, число несчастных случаев на производстве росло, а «рекорды» сопровождалась длительными периодами спада производства. Атмосфера рекордомании способствовала росту различного рода нарушений на производстве. Самым распространенным из них было увеличение продолжительности рабочего дня. Вдобавок ко всему были увеличены плановые нормы. Все это вместе взятое усиливало недовольство рабочих, способствовало росту напряженности в отношениях между руководством, стахановцами и простыми тружениками.

Первое полугодие 1936 г., объявленного стахановским, характеризовалось ростом экономических трудностей. По мере того как стахановское движение все больше увязало в «трясине консерватизма и чиновничества», пресса снова обрушилась с нападками на кадровых работников народного хозяйства. Передовица «Правды» от 26 марта призывала направить огонь на саботажников стахановского движения. Некоторые парторганизации воспользовались моментом, чтобы проявить бдительность и законопослушание. В результате многие представители народнохозяйственных кадров были смещены или уволены с предприятий. Эти меры вели лишь к еще большей дезорганизации производства. Накануне пленума ЦК партии, намеченного на 1 — 4 июня 1936 г., стало очевидно, что наступление на кадровых работников в том виде, как оно проходило, не просто малоэффективно, а грозит существованию всей системы. Жизнь требовала внесения корректив.